

Предисловие	7
Сон мотылька: жизнь Чжуан-цзы.	11

1—7. Внутренние свитки

Свиток 1. Ловля свободных потоков воли	16
Свиток 2. Равновесие предметов	30
Свиток 3. Главное в питании жизни	59
Свиток 4. В миру среди людей	63
Свиток 5. Полное проявление силы духа	90
Свиток 6. Великий наставник предков	102
Свиток 7. Соответствие владык и правителей	119

8—22. Внешние свитки

Свиток 8. Сросшиеся пальцы	128
Свиток 9. Конские копыта	135
Свиток 10. Взломать сундук	139
Свиток 11. Отпустить на волю	146
Свиток 12. Небо и Земля	172
Свиток 13. Небесный Путь	199
Свиток 14. Двигается ли Небо?	217
Свиток 15. Отточенность мысли	235
Свиток 16. Исправление природы	240

Свиток 17. Осенние воды	246
Свиток 18. Совершенное счастье	267
Свиток 19. Смысл жизни.	278
Свиток 20. Огромное дерево.	298
Свиток 21. Учитель Полевой	314
Свиток 22. Берега Темных вод	329

23—33. Разнородные свитки

Свиток 23. Железный Шелковник.	348
Свиток 24. Меддитель Безбесов.	367
Свиток 25. Странствия в Ясном	392
Свиток 26. Внешние предметы	412
Свиток 27. Скрытые смыслы в речах	423
Свиток 28. Отречение от престола.	431
Свиток 29. Разбойник Стопа	450
Свиток 30. Разговор о мечях	472
Свиток 31. Старый Рыбак	479
Свиток 32. Рядов Укротитель Воров	491
Свиток 33. Управление Поднебесной	504
Об авторе	528
О художниках	532

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все начинается с моря-океана, непроглядной пучины где-то внизу, которая проявляется, когда ты обращаешь свое внимание вниз. И естественным образом тебя тянет взглянуть, посмотреть, различить.

Желания различать и сличать неразлучны в твоём уме, они действуют постоянно, и неважно, куда обращается твой взгляд — наружу или внутрь. Везде мелькают образы, порождая чувства.

И вот в пучине появляется образ. Образ — это рыба, а рыба — это образ образа.

С самых первых слов книги речь великого Круга Силы (Чжуан-цзы) идет о познании, о том, как устроено сознание, какие в нем происходят движения, какие действуют законы и закономерности.

Знание и власть — это и есть рыба и птица, воплощенные в образах, рождающих чувства.

Об этом вся книга, которая существует в человеческом сознании уже две с половиной тысячи лет, и каждый, кто соприкасается с ее содержанием, вдохновляется на познание власти. Нужно понимать, что главная и единственная сила власти — это всегда усилие знания по познанию неведомого. Потому так часто на страницах этой книги появляется главный персонаж, который прозывается Знанием, или Знающим.

Чжуан-цзы совершенно свободен в пространстве полета духа, и потому он легко перемещается во тьме неведомого, которое он освещает своим светом,

делая ясным и понятным. Но как только ты обращаешься к своим привычным делам, то тут же свет этот исчезает, и приходится иметь дело с обычными делами и предметами, пытаясь разобраться с происходящим с помощью знания, поэтому включаешь Познающего в себе, чтобы обрести власть и управиться с волнами времени в своем уме.

А Путь, или высший закон познания власти, всегда находится за пределами познанного, но и пределов его никогда не покидает. Ибо в высшем своем проявлении это устройство Неба и Земли, а если взять самое простое, то он и в грязи на дорогах, и в общественном туалете со всеми отправлениями и проявлениями этого мира, познаваемого нами через наши тела.

И мы, люди, постоянно странствуя, перемещаясь между пользой и вредом, обретениями и потерями, честностью и притворством, движемся в потоке великого Пути, пытаясь приспособиться в меру своих сил, разумений, способностей, познания и незнания.

Люди придумывают связи между словами, наблюдая взаимодействие предметов и образов во времени сознания, а сам Чжуан-цзы об этом говорит постоянно по-разному. В одном случае он так объясняет ученикам, пришедшим к нему с вопросом: «Можно, конечно, искать и выбирать между тем, что может приносить пользу, и тем, что для людей бесполезно. Это кажется самым правильным. Все равно будет слишком много обременений и ненужных нагрузок. Избежать этого можно, только странствуя по миру, пребывая на уровне Пути и силы духа, двигаясь по этому потоку, подобно перышку в ручье. И не будет тогда похвал и поощрений, но не будет и нападок, и хулы».

В другом случае он говорит совершенно противоположное, ставя тебя в тупик. А в этом-то все и дело.

Ты должен попасть в безвыходное положение, чтобы найти из него выход.

«Смотрите, к примеру, лиса, у которой пышная шерсть, и горный барс, шкура которого покрыта прекрасным узором, обитают в чащах горных лесов, прячутся в пещерах на утесах, пребывая там в состоянии покоя... И тем не менее они неизбежно попадают в силки и капканы, которые ставят люди, что охотятся на них. Что же является причиной их бед, какие законы они нарушают, в чем их ошибка? Страдают они из-за красоты своих шкур».

Так вот и мы, пытаюсь сделаться лучше, все время натягиваем личины и маски, которыми приукрашаем то сущее, что ни в каких украшениях не нуждается. Но такова наша природа. И потому, вглядываясь во тьму всего неведения мира, мы высвечиваем из нее туманные образы истины, но как только на основании этих истин появляется модель поведения, она, будучи прекрасной по своему устройству, и таит в себе самую большую опасность для нашего состояния.

Потому и говорится, что единственная модель, вмещающая в себя все остальные, — это пустота и отсутствие. Прийти к пределу своей пустоты — вот задача для мудрого.

А в обыденной жизни все по-другому. Постоянно находятся поводы для выражения чувств. Это привязанность и досада, раздражение и любовь, печаль и стыд.

По сути, во всем тексте говорится о вещах простых и обыденных, но как только они оказываются в поле рассмотрения мудрого, тут же проявляется в них великая тайна этого мира.

И потому так понятно и громко звучит в нашем сознании рассказ о том, что постоянно происходит между людьми, и в этом рассказе мы видим, как

мелочи становятся лишь образами и знаками высшей истины. А высшая истина всегда о том, как во времени своего сознания ты делаешь усилия духа, чтобы постичь устройство происходящего.

Можно приводить множество цитат из текста, и все они попадают в точку, все они отзываются прозрением и светом, потому что это о вечном, и мир всегда был таким, каким он был, не меняясь со времен великого Созерцателя, Круга Силы, который поведал нам о том, что видел вокруг себя, постоянно обращая свой взгляд не на вещи, а на вечность в этих вещах.

Возможно, я слишком вольно обращаюсь с текстом оригинала, но сам этот оригинал свободен от любых пут, потому что он дается нам для размышлений, являя примеры самопознания и постижения высших истин. Потому мелочи не играют никакой роли, будучи самыми важными во всем.

Думаю, что каждый читатель прочтет книгу по-своему, сделает свои выводы из прочтенного. А именно для этого все и написано. Уверен, что вы будете возвращаться к этой книге множество раз, ибо на каждом новом этапе познания будет меняться ваше видение, а неисчерпаемая глубина древней мудрости всегда будет источником прозрения и вдохновения для вдумчивого читателя.

Потому странствуйте в беспредельном по волнам своей воли, воли этого мира, и хороших вам путешествий духа, познания, воли и власти, в первую очередь над самими собой, ибо никакой другой власти в этом мире нет и быть не может.

С почтением,
Бронислав Виноградский

СОН МОТЫЛЬКА: ЖИЗНЬ ЧЖУАН-ЦЗЫ

Даосский трактат «Чжуан-цзы» был создан в III веке до н. э. И современники, и последующие поколения почитали автора этого текста как совершенномудрого человека.

Про жизнь самого Чжуан-цзы сохранилось очень мало сведений. Предположительные даты жизни — 369-286 годы до н. э. Это время в истории Китая называется эпохой Борющихся царств. Страна была разделена на соперничающие территории, и сражения происходили не только на полях военных битв, но и среди мыслителей и мудрецов.

Известно, что Чжуан-цзы был родом из местечка Мэн княжества Сун. До сих пор идут споры о его месторасположении. По одной из версий, сейчас это город Мэнчэнсянь в провинции Аньхой. В окрестностях Мэнчэнсянь в 1078 году построили храм для жертвоприношений Чжуан-цзы.

Какое-то время Чжуан-цзы занимал государственную должность, а на склоне лет, оставив службу, вернулся в родную деревню. Дружил с разбойниками, нрава был веселого. Прослыл как наставник и учитель. Считается, что Чжуан-цзы был самым выдающимся последователем основателя даосизма Лао-цзы и критиковал в своих сочинениях Конфуция.

Известна история, когда на предложение правителя пойти служить к нему высшим советником Чжуан-цзы рассмеялся и ответил, что лучше быть ему в грязи, пребывая в безмятежности, чем находиться в узде у князя.

像

子

莊

Рассказывают, что перед смертью просил он себя не хоронить, а оставить его тело в чистом поле, потому как могилой ему станет весь мир.

Звали его Чжоу, а Чжуан, соответственно, фамилия. Имя Чжуан Чжоу можно перевести как Круг Силы. Под таким именем он и появляется в книге. Но в своих странствиях по миру сущность его постоянно преображается, превращаясь то в Круга Силу, то в Силу Круга, то в Круга Силыча, то в сон мотылька.

1—7

ВНУТРЕННИЕ СВИТКИ

Свиток 1 ЛОВЛЯ СВОБОДНЫХ ПОТОКОВ ВОЛИ

Мир все время притягивает внимание к времени через качество ожидания. Впереди маячат образы, вот они и светятся разными очертаниями, и с этими очертаниями связываются предчувствия чего-то неотвратимого. А посмотреть в никуда нет ни причины, ни смысла.

Когда заглядываешь в невидимое, точнее туда, где ничего разглядеть не можешь, обретаешь опыт, о котором тоже хочется рассказать.

Само усилие, чтобы посмотреть туда, где ничего нет и быть не может, немислимо по своей природе, но только оно приносит знания в мир твоих переживаний и ощущений. Искусство смотреть в неведомое, ибо оно и есть невидимое, сродни ловле ветра между ладонями, но если задуматься об этом, то в поисках свободы, воли и свободы воли куда еще смотреть. Остальное ведь все занято, занято твоими знаниями об этом мире.

Странствовать можно только в полях, которые возникают у тебя под взглядом по мере того, как

выталкиваешь проявленное за грань во тьму, и остается только несуществующее, отсутствующее. Вот тогда и появляется возможность наполнить старые мехи новым вином.

Не знаю, зачем это надо. Наполнять, смотреть во тьму непроглядную. Но я смотрю, опустошаюсь и наполняюсь, смотрю, как происходит опустошение и наполнение.

Всё — лишь волны, волны дыхания времени.

В непроглядной тьме, бездонной, как сама вечность, где и времени-то нет вовсе, потому бóльшей, чем вечность, в этой непроглядной бездонности севера есть рыба. Откуда она там? А что же там еще может быть? Конечно, рыба. Раз уже есть. Она есть, и имя у нее есть, у этой огромной рыбы, живущей в бездонной тьме сознания, бóльшего и более глубокого, чем сама вечность. Есть у нее имя. Только как назвать ее, кто ж знает, как ее назвать. Но если познаёшь непознанное, то сам и делаешь все действия познания. Назови и узнаешь.

Я и назову ее Перво-рыбой. Вот такой вот шустрый. Пусть будет — а что ей? Ее же и нет на самом деле, по крайней мере, только что ее не было, и появилась ли она — неизвестно. Какой она может быть величины, рыба эта — Перва? На какую из известных рыб она похожа? Пусть для краткости, а то длинно писать, и совсем не важно как, но будет звучать ее имя как Перва. Для истинных ценителей, кто понимает. А кто понимает?

А никто ничего не понимает.

Но такая здоровая рыба, что ума не приложу, как эту величину обозначить. Ведь смотришь откуда-то, из такой какой-то дали! С такой какой-то глубины, вышины и скорости. И ни за что не поймешь, что это